

Чу Яоцзу тут же с мучительным воплем завыл:

— А! Батюшка, матушка, спасите, как больно! У-у-у...

— До чего же больно!

— Чжао Шуюй, что ты со мной сделал? Почему я не могу пошевелиться, мне так больно, а-а-а  
— спасите, убивают!

Все в растерянности и сомнении смотрели на воющего от боли Чу Яоцзу: что это с ним?

Чу Бовэнь и Хэ Ланьхуа в тревоге бросились к сыну и увидели, что тот плачет горькими слезами от боли, но тело его при этом совершенно не двигается. Они так испугались, что лица у обоих побелели.

— Сынок! Что это с тобой? Будь ты проклят, Чжао Шуюй, что ты сделал с моим сыном?!

— Немедленно отпусти моего сына! Я с тобой насмерть побьюсь!

Староста тоже не ожидал, что Чжао Шуюй осмелится нанести удар и покалечить человека на глазах у стольких людей. Опасаясь, что тот сгоряча и впрямь совершит убийство, он в паренге закричал на Чжао Шуюй:

— Чжао Шуюй, ты что творишь? Немедленно отпусти его, нельзя калечить людей!

Чу Нин испугался этой перемены. Он не хотел, чтобы Чжао Шуюй из-за него причинил кому-то вред — ведь это противозаконно, так он только навредит самому себе. Забыв обо всём остальном, Чу Нин подёргал Чжао Шуюй за рукав и с беспокойством посмотрел на него.

— Т-ты только не убивай его! Убийство — это же вне закона.

Чжао Шуюй встретился взглядом с полными тревоги глазами Чу Нина, и эти слова позабавили его:

— Не бойся, я не стану его убивать.

— Староста, не переживайте, я немного изучал медицину, это всего лишь маленький трюк. Просто заставил его тело чувствовать боль, словно его кусают мириады насекомых, и лишил возможности двигаться, вот и всё.

— Чу Яоцзу, не думай, что у меня нет доказательств. Кое-что до меня доносилось о твоей

казнобе из Цветочного павильона. Соученики по академии говорят, что за одно лишь свидание с ней нужно выкладывать по лянгу серебра, а ведь ты водишься с этой блудницей уже давным-давно! Насколько мне известно, в твоей семье Чу отродясь не давали тебе столько серебра на шлюх. Так что, не хочешь сознаться по доброй воле? — громко произнёс Чжао Шуюй.

— У него и правда есть любовница в Цветочном павильоне? Разве не говорили, что Хэ Ланьхуа всё это время подыскивает ему невесту?

— И правда есть, я и раньше об этом слышал.

— Если это правда, то деньги он, судя по всему, и впрямь украл сам.

— Всё ещё не говоришь правду? Чу Яоцзу, сейчас это боль от укусов мириадом насекомых, а чуть позже начнётся такая боль, будто жилы тянут и кожу сдирают. Ради того, чтобы отплатить за спасение жизни Чу Нину, твоя жизнь или смерть меня ни капли не волнуют. Мой способ не убьёт тебя, но заставит изведать участь хуже смерти. А сможешь ли ты после долгого времени вообще двигаться — большой вопрос. Хочешь испытать? — тихо прошептал ему на ухо Чжао Шуюй.

Чу Яоцзу, будучи всего лишь семнадцатилетним юнцом, до смерти испугался слов Чжао Шуюя и, заметив, что боль в теле и впрямь усиливается, в ужасе поспешил во всём признаться.

— Я... я признаюсь, э-это я взял серебро, я признаюсь!

— Брат! — Чу Баочжу попыталась остановить брата, да только её братец оказался мягкотелым трусом. — Староста, да этот ученый Чжао выбивает показания силой! Столько людей вокруг всё видят, а он применяет к моему брату такие жестокие методы, до чего же он злобный! Он просто выгораживает Чу Нина!

Чжао Шуюй, как только Чу Яоцзу во всём признался, тут же снял с него блокировку точек. Обнаружив, что его тело снова в порядке, Чу Яоцзу в спешке отпрыгнул подальше от Чжао Шуюя. Услышав, что сестрица продолжает лезть не в своё дело, и опасаясь снова разгневать Чжао Шуюя и испытать эту жуткую участь хуже смерти, он поспешно оборвал её:

— Чу Баочжу, заткнись! Я же сказал — это я взял, именно я! Те деньги вообще-то предназначались мне, ну и что, что я потратил их заранее? Вы, бабы, только и знаете, что волосаты умом да коротки умом, из пустяка раздули на весь свет скандал, позор-то какой!

— Староста, этот Чу Яоцзу сейчас цел и невредим, он и сам во всём признался. А маленький цзюйр Чу Нин сегодня ни за что ни про что пострадал. Вы у нас староста деревни, я верю, что вы рассудите это дело справедливо, — Чжао Шуюй польстил старосте.

— Раз уж сегодняшнее происшествие наконец прояснилось, иначе нашему селению Циншань пришлось бы прославиться на всю округу.

Когда дело прояснилось, староста остался крайне недоволен Хэ Ланьхуа, которая заварила всю эту кашу. Но беда была в том, что Чу Нина отдал на усыновление чете Чу Бовэней старейшина рода Чу, так что, хоть он и староста, он оставался чужаком, и лезть в то, как Хэ Ланьхуа воспитывает детей, он попросту не мог.

— Раз уж в этом деле теперь всё ясно, не смей больше бить Чу Нина, жена Бовэня! Если повторится ещё хоть раз, я сам отведу Чу Нина в управу и попрошу уездного судью судить вас по всей строгости закона.

Хэ Ланьхуа с крайне недовольным видом согласилась, а про себя бесилась, что её столь горячо любимый сын умудрился выкинуть такую штуку, и от стыда чувствовала себя неуютно.

Видя, что Чу Нина избили до такого состояния, а никакой компенсации за это не последовало, Чжао Шуюй остался крайне недоволен.

— Староста, эти синяки и раны на теле маленького цзюйра Чу Нина непременно должен как следует осмотреть лекарь. Если останутся шрамы, что ему потом делать?

Староста, глядя на жалкий вид Чу Нина, почувствовал жалость в сердце.

— Осмотреть раны, конечно, необходимо! Чу Бовэнь, ну-ка немедленно доставай серебро, пусть наказанием будет выплатить один лян серебра Нин-гэру на визит к лекарю!

Услышав, что им придется отдать этому паршивому мальчишке целый лян серебра, Хэ Ланьхуа взвилась от ярости. Эта дешевка могла бы и простыми травами обойтись, к чему тут звать лекаря! В возбуждении она громко завопила:

— Куда это годится?! С каких пор мы, крестьяне, стали такими неженками? Подумаешь, царапины, приложили бы целебных трав — глядишь, и зажило бы! К тому же это внутрисемейное дело, я всё-таки старшая тётка Чу Нина, я кормлю и пою его, ну дала пару затрещин, и что с того?!

— Вы просто издеваетесь над нами! Жить не хочу, несправедливость какая! У меня нет денег, в нашем доме нет денег, ну хотите — заберите мою жизнь! — с этими словами она плюхнулась на землю и принялась причитать и дебоширить.

Староста от такого отпора помрачнел лицом, ткнул пальцем в Хэ Ланьхуа и рявкнул:

— Замолчи! Ну и баба-скандалистка, какое же великое несчастье для нашего селения Циншань — жениться на такой! Чу Бовэнь, ты намерен слушать то, что говорит староста, или нет?!

Чу Бовэнь поначалу хотел отказаться, но, вспомнив авторитет старосты в селении Циншань, тут же спасовал.

— Слушаю, слушаю, конечно же, слушаю старосту! Я прямо сейчас отдам деньги, чтобы Нин-гэр сходил к лекарю.

С этими словами он достал из-за пазухи лян серебра и протянул его Чу Нину.

Чу Нин с неверием смотрел на него: неужели тот и вправду согласился расстаться с серебром?

Чу Нин украдкой глянул на Чжао Шуюя и, заметив тот кивок, протянул руку и взял серебро.

Оказывается, тот волк в овечьей шкуре, каким он его представлял, на деле просто трус, что сильных боится, а перед слабыми горазд — смеет обижать лишь маленького цзюйра, пользуясь тем, что тот один не может противостоять целому семейству.

— Всё, всё, расходимся, хватит тут толпиться!

Чжао Юнь бережно поддержал Чу Нина, легко коснувшись следов от пяти пальцев на его щеке, и с красными, заплавленными слезами глазами, всхлипывая, произнёс:

— Нин-гэр, тебе больно? Я отведу тебя к лекарю Бай, пусть он тебя осмотрит.

Чу Нин тихо ответил:

— Мне не больно, Юнь-гэр, не переживай.

Чжао Шуюй протянул Чу Нину небольшой пузырёк со сделанным собственными руками целебным средством:

— Это мазь от ран моего собственного приготовления, у неё хорошее действие. Если доверяешь мне — попробуй воспользоваться.

Глядя на пузырёк с лекарством в руке Чжао Шуюя, Чу Нин не сразу нашёлся, что ответить.

Чжао Юнь помог ему взять лекарство:

— Спасибо ученому Чжао за помощь Нин-гэру!

— Если бы не маленький цзюйр Чу Нин, спасший меня семь дней назад в горах, я бы чудом не

остался в живых. Он оказал мне услугу, сохранив жизнь, и помочь ему — мой долг.

— Не стоит церемониться, мы ведь теперь можно сказать друзья, впредь зовите меня просто по имени! А то это учений Чжао звучит как-то больно чуждо.

Услышав, как Чжао Шуюй упомянул о спасении жизни, Чу Нин почувствовал себя немного совестливо — в тот день он ведь и сам приложил его камнем.

Сначала он думал, что это очередные его козни и ухищрения, и всё ждал, когда тот явится свести с ним счёты, но в итоге тот не только не стал с ним сводиться, а словно заново родился и бросился на помощь.

— Я же просто сбегал к старосте весточку передать, а спасли тебя староста с сыном, я тут совсем ни при чём, никакой это не долг жизни, Чжао... тебе не стоит принимать это близко к сердцу.

Чжао Шуюй мягко улыбнулся:

— Для тебя это пустяк, а для меня — дело жизни и смерти. Если кто-то снова посмеет тебя обидеть, можешь смело обращаться ко мне, я без раздумий приду на помощь!

При этих словах щёки Чу Нина слегка порозовели, и он посмотрел на Чжао Шуюя своими большими влажными глазами, застенчиво не решаясь ответить.

Чжао Юнь с любопытством разглядывал двух парней, что переглядывались друг с другом, ощущая, что атмосфера между ними стала какой-то странной.

<http://bllate.org/book/22441/2357837>